

Ольга БОГДАНОВИЧ

Дорога с моря

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ "НАШИ БЛИЖНИЕ МЕЛЬНИЦЫ"

До революции 1917 года Ближние Мельницы ограничивались на юге Лагерной улицей, с одной стороны которой располагались жилые дома, а с другой — дачи Токаревой, Дайбера, Блондена и прочих. Начинаясь она от одесского Тюремного замка.

Улица называлась Лагерной, потому что до революции тут стояли лагерь императорские солдаты. Со временем она была переименована в Парашютную (во время Великой Отечественной войны здесь приземлились советские парашютисты), в начале XXI века улицу опять переименовали — присвоили ей имя героя Великой Отечественной войны, участника обороны Одессы Якова Бреуса...

Одно время мои дедушка и бабушка вместе с детьми жили в родительском доме по улице Лагерной, 14. После войны бабушку сослали в Сибирь. Пять лет она добывала каменный уголь в шахте под землей. А перед самой смертью еще успела узнать, что ее имя вместе с тысячами имен других безвинных мучеников занесено в Белую книгу жертв сталинских репрессий.

Она рассказывала мне, как, окруженная вооруженными солдатами с собаками, колонна осужденных брела из Тюремного замка по улице Лагерной в направлении станции "Одесстоповая". Там для отправки в Сибирь их ждали вагоны, в которых раньше перевозили скот...

Ул. Парашютная в направлении Тюремного замка. Слева — место дома по ул. Лагерной, 14. 7 ноября 1983 года.

Слева от нашего двора располагалась богатая усадьба дяди Пети Цыганчука. У ворот его дома висела табличка с надписью: "Колбасная фабрика. Персидско-подданный Махмуд-Мамед-Оглы". На самом деле звали его Петр Владимирович Цыганчук. Я еще застала и его, и его жену, и дочь, и внука. У его дочери — тети Тамары Цыганчук, доброй и внимательной женщины — я обучалась игре на фортепиано. Помню все в коврах темные комнаты этого дома и покрытый серыми туфовыми плитами двор в тени винограда. Летом двор обильно поливался водой из шланга.

А в неказистом, узком нашем дворе еще росла черешня, наевшись которой, умер от холеры наш прадедушка. Но в конце двора находилась мечта моей жизни — залитый солнцем, весь в высоких бурьянах и колеблющейся ромашке-космее, САД. А в самом конце сада — огромные кусты смородины: ее редкие черные ягоды, покрытые серебряной патиной, такие крупные и душистые, покачивались над моей головой, как елочные игрушки. Он казался мне раем.

Теперь на месте детского рая высится обычная серая девятиэтажка...

В торце Лагерной улицы, справа от входа в Тюремный замок, стоит двухэтажный с мансардой торгово-офисный центр — все, что осталось от бывшего Шуваловского приюта.

В Государственном архиве Одесской области хранится дело "О разрешении Одесскому Обществу Призрения неимущих и помощи нуждающимся наименовать предполагаемый к переселению приют именем графа П.П. Шувалова" (ф. 2, оп. 1, д. 2987). Выдержки из него дадут некоторое представление о событиях: "1) ...Принят доклад Распорядительного комитета относительно постройки здания для приюта за тюрьмой" [из журнала очередного общего собрания г.г. членов Одесского общества призрения неимущих и помощи нуждающимся от 10 марта 1902 г.]; 2) ..."Господину министру внутренних дел. Ныне ввиду воследовавшего 5 сего марта Высочайшего указа о назначении Графа Шувалова Генералом для особых поручений при Министерстве Внутренних Дел... просит о разрешении наименовать сооружаемый приют... именем графа Павла Павловича Шувалова..."

В субботу, 20 июня 1909 года, "Одесский листок" в своем иллюстрированном приложении поместил фотографию этого приюта и статью о нем, что помогло мне сразу идентифицировать здание:

"Приют неимущих имени графа П.П. Шувалова.

За тюрьмой, в тихой местности, высятся несколько зданий приюта призрения неимущих и помощи нуждающимся имени графа П.П. Шувалова. Тысячи бесприютных, сирых, голодных и убогих находят себе в стенах приюта покой и убежище. Голодные дети, оставленные своими родителями на произвол судьбы, попадают туда, и из них воспитывают будущих граждан. ...В приюте имеются как православная церковь, так и вполне оборудованная еврейская синагога, так как приют принимает всех без различия вероисповедания. Отдельно как для православных, так и для евреев имеются обширные белые палаты, где старики и старухи, изувеченные, искалеченные, нищие и обнищавшие доживают свои последние дни. Тут же рядом с ними подрастает молодое поколение — все больше дети улицы. В приюте имеются 342 призриваемых. Кроме постоянно призриваемых приют оказывает поддержку, выдает пищу средним числом в день 340 человек. При приюте имеется 4-классное народное училище, где обучаются 88 мальчиков и 47 девочек. Некоторые закончившие обучение в училище продолжают и доныне среднее и высшее образование. Все призриваемые живут дружной семьей..."

Этот дом погибал на глазах у всех. Те, кто часто ездил по Черноморской дороге автобусом № 133 (тогда еще не было никаких маршрутных такси), могли наблюдать следующее. Как раз в этом месте после ливневых дождей образовывалось огромное озеро, которое с трудом преодолевал городской транспорт. Мы медленно проплывали в автобусах мимо открытых подъездов этого дома, наблюдая шевелящиеся в них грязные волны, и не представляли, КАК выходят и заходят в этот дом его обитатели.

Здание бывшего приюта неимущих имени П.П. Шувалова перестроили под торговый центр в конце XX века. Оставили-использовали только крепкие надежные стены. Дорогу отремонтировали...

...Недалеко через дорогу расположено тихое Второе Христианское кладбище.

В те чудные для нас, детей, годы, мы частенько возвращались поздно вечером из Черноморки (бабушка говорила по старинке — Люстдорф, то есть Веселая Деревня) — с моря. Деревянный зеленый баул, который нес главный рыбак — мой дедушка, источал запах рыбы и водорослей. Угоревшие под летним солнцем, мы еле плелись мимо белокаменной стены кладбища (тогда она еще не была заставлена гаражами) и слышали, как пели на кладбище соловьи. Мы видели там много летающих огоньков, которые назывались светлячками, и даже собирали этих страшных толстеньких червячков в спичечные коробочки. Но дома светлячки почему-то уже не светились, а бабушка укоряла меня за то, что я отобрала у деток-светлячков их маму и папу.

По дороге мы проходили мимо темной, глухой Пешеходки. Так называлась местными жителями узенькая полоска земли меж двух участков, по которой я вынуждена была ходить на музыку в дом тети Тамары. Однажды зимой меня там "накармили" снегом местные мальчишки, воспользовавшись безлюдностью проулка: мне просто некуда было бежать — тут не разведутся и два велосипедиста. Зато весной я имела счастье наблюдать в садах Пешеходки трепетавшие на холодном еще ветру под открытыми стеклами парников уже цветущие анютины глазки.

...На углу улиц Парашютной и Юрьевской стоит средняя школа № 8 — первая школа моей жизни. Я проучилась здесь четыре года в "А" классе у заслуженной учительницы Украины Пановой Елены Никитичны, чьи внимательные к детям и доброта ко всем не забываются.

Со второго класса мы изучали красивый, певучий украинский язык, а также жесткий немецкий, возлились в землю пришкольного сада и рисовали.

Помню нашего странноватого учителя рисования, которого все называли Цирикуль. Он радостно учил нас легко, будто взвешивая, держать пальцами карандаш. Благодаря вдохновению этого талантливого человека я, например, до сих пор люблю рисовать, а моя подруга по классу Инна Заремба стала настоящей художницей.

Средняя школа № 8. 2011 г.

С Инной мы познакомились так. Я вылетела на своем трехколесном, уже маловатом для меня, "велосапедике" на угол Лагерной, а оттуда мне навстречу выплыла на изыщном двухколесном велосипеде воспитанная и утонченная новая ученица нашего класса. Мы успели притормозить, кто заговорил первой — не помню, но вот уже пятьдесят с лишним лет мы встречаемся-дружим-расстаемся-миримся...

Отец Инны — Игорь Иосифович Заремба — как настоящий, признанный художник, вызывал у меня восхищение. Кроме того, что дядя Игорь был стоматологом-протезистом, он был известным художником-пейзажистом. И еще он вдохновенно играл на скрипке, чем сразу полюбился мне. Происходил он из семьи дворян Гутше, не покинувших Россию после революции 1917 года.

Дедушка Инны был инженером в тех же железнодорожных мастерских, где все мои дедушки работали простыми рабочими, и имел двухэтажный дом на Воронцовке...

Дом на улице Лагерной принадлежал его маме Александре, и как-то запали мне в сердце и она, и ее маленькая белая собачка-шпиц, и старинная роза Фрау Карл Друшке, обсыпанная огромными белыми цветами...

Сразу за школой, вдоль улицы Парашютной, находились казармы танковой воинской части. Часть давно перевели куда-то вместе с танками и огромными подземными запасами горючего, возле хранилищ которого всегда стояла часовая. Добротные здания казарм перестроили, достроили и превратили в жилые дома.

Ближние Мельницы постепенно застраиваются высотными домами и уже слились с Черемушками, безжалостно наступающими на них. Процесс забивания многометровых свай под фундаменты многоэтажных домов в районе Ближних Мельниц привел к тому, что грунтовые воды, всегда находившиеся здесь в равновесии, поднялись до уровня 1,5 — 2 метров. В двориках, погребках и под домами на Ближних Мельницах стали образовываться страшные провалы, и никто не знает, к чему это может привести...

Нынешняя улица Бреуса заканчивается потрясающим сооружением, которое до сих пор выполняет свою функцию, — Горбатым, или Бароновским, мостом, за которым начинается Молдаванка. Татьяна Донцова в статье "О том, как обидели старый мост" рассказывает, что построен он был в 1914 г. через железнодорожные пути в районе Товарной станции около вагонных мастерских строителя Одесской железной дороги барона Унгерн-Штернберга. Ныне этот мост — одна из главных артерий, соединяющих старый город с новым поселком Таирова.

На дореволюционных картах нет улицы Ефимова, есть улица Юрьева, и еще в 1929 году она называлась Юрьевской, а дом, в котором жили мои родные, сначала имел номер 26 и только позже — 28. Потом Юрьевскую переименовали в Центральную.

В 1898 году владельцами ближайших к нашему двору домов по улице Юрьевой были: № 22 — Крылова, № 24 — Дук, № 26 — Кузьменко (угол Лагерной).

Между прочим, из архивного дела 1892 года стало известно, что одноэтажный дом по улице Юрьевской, 22 строил знаменитый архитектор Кесарь (Цезарь) Оттон.

Центральная улица была переименована в 1972 году в честь первого российского авиатора, летчика-испытателя Михаила Никифоровича Ефимова, может быть, еще и потому, что в конце улицы Центральной начиналось Стрельбищное поле, в районе которого совершали полеты первые отечественные аэропланы...

...Наша семья возвратилась в Одессу в 1957 году благодаря вмешательству Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, которому прабабушка Наталья Константиновна (мать двоих погибших участников гражданской войны, дяди Коли и дяди Васи, и бабушка погибшего участника Великой Отечественной войны дяди Олега) написала письмо-прошение. Мы были восстановлены в звании одесситов: нас прописали на ее жилплощадь по Ефимова, 28, где она уже давно жила в жилкооповском двухэтажном доме...

Рядом с воротами этого дома я любовалась розоватым цветением чахолы мыльнянки, по которой ползали многочисленные пчелы. Там я научилась ловить голыми руками "пчел" — несчастных трутней без жала, которых осенью рабочие пчелы безжалостно изгоняли из ульев...

...Целых семь лет мы теснились всемером на 14 квадратных метрах: бабушка, дедушка, дядя, мама, папа, я и маленький братик Вовик, пока благодаря гуманной политике Н.С. Хрущева в СССР в 60-е годы не началось массовое строительство жилых пятиэтажных Черемушек, в том числе и в Одессе.

Маминого брата, ныне декана политехнического университета, я до сих пор называю дядей Дюфой, а он, в свою очередь, называет меня Пуделем. Его влияние на меня первых лет жизни в Одессе значительно, потому что родителям просто некогда было со мной возиться. Дяде шел 21-й год, он учился в политехе, хорошо играл на трубе и любил шутить. Вместе с ним я "разобрала" первый в своей жизни автомобиль: дядя промывал старые детали голубой "Победы", а я изучала их. Тогда мне очень понравилось возиться с техникой.

И первым человеком, вывезшим меня к морю, на дикий пляж в Черноморку, стал тоже Дюфа.

По сибирскому опыту купания в речушке Ордынке я знала, что вода плохо держит человека, что поэтому, если не шевелить руками-ногами, можно даже утонуть.

Огромное пространство, занятое морем, привело меня в ужас. Я до сих пор не люблю это великолепное, шумное, блестящее и ветреное создание. То ли дело — ласковая вода реки, которой можно утолить жажду...

Короче, то, что я не хотела заходить в море, дядю не остановило. Он взял меня под мышку, зашел на приличную глубину (себе по горло), бросил меня в воду и пошел к берегу.

Я пошла ко дну... Потом мерзкая по вкусу, соленая вода вытолкнула меня на поверхность, я стала с ненавистью колотить по ней руками-ногами и поплыла. Позже мы с братиком уже плавали к рыбацким сетям (километра три от берега), но неприятное отношение к морю осталось. Годы я не хожу на пляж, проводя свободное время в сухой степи, где поддерживаю жизнь своего сада. Это тяжело, но достойнее праздного валяния тела на солнце...

Во дворе росли канадский тополь и акация. Позже из брошенной кем-то косточки вырос абрикос.

Когда в мае тополь покрывал всю округу своим навязчивым пухом, приходилось затыкать балкон какими-то шторами, тряпками, чтобы хоть как-то уберечься от пуха, вызывающего кашель и чихание. Он также облеплял виноград на балконе, уродуя его.

Немного раньше зацвела душистая белая акация.

Представьте себе утро, когда раннее солнце проникает во двор, высвечивая плавающий в воздухе пух, и все это заполнено теплым запахом белой акации и нетерпеливым ожиданием разных событий нового дня.

Весной в скворечнике на акации поселились скворцы. Они пели так громко, что будили всех уже на рассвете. Они выводили птенцов, которые тоже сначала долгое время оркали, потом начинали артистично и звонко петь, закрыв глаза и помахивая крыльшками в такт шелкающим трелям. Иногда скворцы что-то говорили по-человечески. Прислушавшись, можно было разобрать слова, как будто птицы специально рассказывали мне мою жизнь...

Кроме красивых деревьев у нас во дворе находился объект, особо привлекавший внимание детей, куда они ходили с опаской (взрослые говорили, что там живет страшный Бабай): загадочный, вырытый еще до революции погреб. В его кладовках жилища хранили картошку, буряк и морковку (так говорили в нашем дворе), а также закрукты. Его камен-

ные ступени местами были разбиты, спускаться в глухую тишину приходилось, держась одной рукой за металлическую трубу, осторожно сжимая в другой руке свечу или фонарик (Верка зажигала кусочек плексигласа, который ужасно дымил, но приятно вонял). Когда ноги становились на твердую землю, мы с облегчением выдыхали запах сырости, плесени и свечного огня: пришли.

Однажды Дюфа устроил дворовой малышне поход в дальний проминец — достаточно длинное ответвление, идущее от погребка в глубь земли, наподобие катакомб. В проминке было сухо, но чем дальше мы шли, тем тяжелее становилось дышать. С полукруглого потолка свисала столетняя паутина, сгоравшая от поднесенной к ней свечи. Холодало. Напряженно пахли и чадили свечи.

До конца проминка мы так и не дошли. Кто мог там жить? Слепые пауки? Что это был за коридор, и куда он вел? О кладках мы тогда еще не догадывались, да и сейчас не стали бы их искать — так далеки они от реальной жизни.

Но дядя сделал главное: он научил нас не бояться темноты и неизвестности, а мы научились быть смелыми путешественниками и исследователями.

Несколько лет спустя в нашем районе поднялись подземные воды и затопили погреб. Земля над проминком провалилась, и в самом центре двора образовалась яма, куда все бросали мусор. Когда позже появились холодушки, они взяли на себя функции погребов.

В двухэтажном доме по Центральной, 28 было 11 квартир. Все мужчины нашего двора дружили. Наш дедушка объединился с моим папой и дядей Колей и создал бригаду любительского лова рыбы. В Черноморке у нас появились свои будка и лодка — шаланда "Волга". Дедушка часто привозил с рыбалки качалочек (скумбрию), чирус, сладкую ставридку — тогда они еще водились в районе Одессы.

Запах и вкус свежей жареной рыбки — с чем можно его сравнить? С божественным запахом роз — предчувствием счастья...

На берегу

Светлой памяти моего дедушки

На берегу два деда варят
Уху из серебристой рыбы,
А рядом ждут две рыжих кошки.
И перезрелый виноград
Роняет ягоды на землю.
Забывать ту осень — не любить
Морского воздуха озялость,
Переходящую в тепло,
И тайну легкого восторга
На берегу не пережить.
Два рыбака уху сварили,
Поели, накормили кошек,
И в море вымыли посуду.
И среди звезд пошли домой.

По выходным мои родители собирались семьями с друзьями, играли оркестром на гитаре, мандолине и пианино (за пианино всегда сидела мама, она до сих пор хорошо и душевно играет). Помню, как отец, плотно сжав губы, задумчиво выводил на мандолине "Амурские волны" — наверное, вспоминал свою Сибирь...

Женщины готовили в миниатюрной заставленной кухне нехитрую еду. Потом, конечно, все ужинали. Ах, как это приятно, когда все вместе, смеются, рассказывают анекдоты (еще с опаской, чтобы не услышал какой-нибудь враг), поют, играют в карты, в домино, в лото-бочоночки.

Все было. И все прошло. И все они умерли. Но тогда жизнь только начиналась.

Мы уже мечтали, кем станем. Трехлетний братик уверял, что будет пожарным. Стал ученым-физиком.

После первого в моей жизни похода в библиотеку, находящуюся неподалеку от нашего двора, я мечтала быть только библиотекарем. Я испортила все свои книги: написала с обратной стороны обложки какие-то буквы с какими-то циферками, имитируя, как я теперь знаю, шифры хранения (как в библиотеке). Я стала краеведом, библиографом, автоматизатором библиотечных процессов. Я стала библиотекарем, который пишет книги.

В то время отец часто сочинял свои философские труды, я же, сидя рядом с ним за столом, понарошку списывала целые страницы быстрыми зигзагообразными линиями.

И полюбило мне доброе действо сотворения слов...

Непросто отличить добро от зла: второе зачастую маскируется под первое и наоборот. Кроме того, быть злым намного легче, естественнее (у всех животных зло — самозащита, а это, что ни говори, бывает необходимым). Да и делать зло намного легче, наверное, потому что так живуче.

В огромном подъезде нашего дома на Ближних Мельницах мы любили играть "в мячик". Мяч отскакивал от стенки, мы прыгали через него: кто больше напрыгает.

Но, к великому огорчению взрослых, а к детскому раздражению, в нашем подъезде свила гнездо красногрудая деревенская ласточка. Она терпеливо сидела на яйцах,

а мы долбили стену подъезда чудовищным мячом прямо под гнездышком, чуть ли не попадая в него. Только сейчас я понимаю, как было страшно маленькой птичке. Птенчики вылупились, и я помню, как тревожно кричала ласточка, улетающая за кормом, и как мы продолжали бить мячом стену под гнездышком.

...Будто в наказание за проявленную жестокость, у многих из нас не сложилась семейная жизнь...

Ближние Мельницы — тихая радость Одессы. Мы выросли в этих дворах.

Свадьба на Ефимова, 28.

Это здесь были первая влюбленность в синеглазого красавчика Витю, первое предательство подружки (Верка украла куколку у "богатой" Наташки, а на меня сказала), первые друзья.

Это в те времена, в 60-е годы, появился первый телевизор — у состоятельных соседей Пенчевых. Все дети двора хоть раз в день да собирались у них перед телевизором и смотрели через увеличительную линзу все подряд.

Тогда был всплеск всего первого. Первые шариковые ручки — фантастическая возможность не думать о чернилах. Первые колготки — синтетика, но — красиво, элегантно, не то что колючие сдавливающие чулочки на папиках. Первые целлофановые кульки вместо бумажных — многократного использования (их можно было стирать!!!). Первые плащи-болонья — легкие, стильные, их привозили моряки. Первые холодушки... Японские зонтики... Радость и грусть...

Самым грустным было стоять на остановке десятого трамвая, когда его долго не было: два раза в неделю я ездила в город, в музыкальную школу (играла на фортепиано, потому что этого очень хотела мама). Изучать сольфеджио и муз. литературу приходилось в ближайшей музыкальной школе № 2 имени Блазунова, филиал которой существовал на Ближних Мельницах, в помещении школы № 123.

На остановке трамвая росло большое, изуродованное наростами дерево. Однажды, в который раз обходя вокруг него, в награждение опухолей и шрамов я увидела стонущего человека. С тех пор этот человек (и дерево) всегда вызывали у меня сострадание.

Дерево давно погубило, но его огромный пенек и сейчас слегка возвышается над уровнем асфальта.

Наискосок от остановки находилась парикмахерская, где нас подстригали. Процедура была неприятной, но необходимой, потому что длинные волосы надо было как-то оформлять, а короткие свободно летали по ветру и не мешали лазать, например, на крышу погребка. Позже мама научилась сама подстригать мои патлы — равномерно по всей длине. Инна же носила две тоненькие косички с изысканными, как розы, белыми бантами.

Парикмахерская на Ближних Мельницах. 23 июля 2011 г.

С тех пор прошло пятьдесят лет: куча всяких новостроек, перестроек, гласностей, псевдореволюций и несправедливостей. А парикмахерская осталась — одно из самых стабильных в мире заведений: ничего не поделаешь, шерсть на человеке растет даже после смерти...

Недалеко от трамвайной остановки, на Ефимова, 12, до сих пор работает детская

библиотека — филиал Централизованной городской библиотечной системы для детей № 19, первая библиотека в моей жизни. К счастью, когда я, стесняясь, зашла туда впервые, меня пустили к полкам, самой выбрать книжечку (теперь знаю, что это называется открытым доступом). Библиотекарь была кроткая и внимательная, она понимала, что шестилетний ребенок должен ПОЛЮБИТЬ знания. Впервые я увидела так много разноцветных, разнообразных книг, украдкой трогала их и нюхала. Они пахли пылью, грязью, типографской краской и чем-то еще, таинственным и счастливым, как будущее.

Я выбрала книгу Юрия Олеши "Три толстяка" — отсюда началась моя бесконечная любовь к книге. С трудом осилив эту не детскую книгу, я принесла в библиотеку свой рисунок с Тибуллом, идущим по канату, и была счастлива, что библиотекарь, которой я показала картинку, похвалила меня...

Я никогда не откажусь от удовольствия чтения тяжелых бумажных книг, которые можно раскрыть, погладить, согреть, прижать к груди, и надеюсь, что жизнь моя, начавшаяся с библиотеки на Ближних Мельницах, закончится также библиотекой.

Напротив детской библиотеки стояла и до сих пор стоит небольшая зеленая будочка, в которой ремонтировали все — от примусов до обуви... В этой будочке и теперь местные жители ремонтируют свою обувь.

В самом начале улицы Ефимова располагалось 17-е почтовое отделение для Ближних Мельниц, на конвертах писали: Одесса, Б-17. Конверт стоил 3 копейки — как билет в трамвае (билет в троллейбусе стоил 4 копейки, в автобусе — 5 копеек).

Перед самым концом Советского Союза в обществе произошла какая-то вспышка общности: словно предчувствуя разлом, разрыв и разлуки, люди активно переписывались. Были сняты ограничения на тиражи журналов и газет, и наши почтовые ящики ломались от периодики и писем.

Существенной проблемой тогдашней жизни людей на Земле было отсутствие мгновенной связи: мобильных телефонов еще не придумали, стационарные имелись только в квартирах состоятельных или заслуженных людей — свободных номеров хронически не хватало. Поэтому все уличные таксофоны в любом районе пользовались вниманием: их берегли даже хулиганы. У нас было три таксофона: в доме через дорогу от нашего двора, рядом с "военкой" (магазином для военного городка) и возле почты.

Рядом с почтовым отделением, на углу улицы Шота Руставели, ныне переименованной в прежнее Смирнова, располагался наш продуктовый магазин.

Мне вспоминается эпизод сумерек зимнего дня, когда рано темнело и холодало, а мы стояли плотной толпой в очереди за сливочным маслом: сотни людей с детьми — практически все жители Ближних Мельниц. Нас согревала надежда, что масла хватит всем, хотя оно, к сожалению, часто заканчивалось непременно перед нами. Давали по 200 или 300 граммов масла на душу, потому и стояли целыми семьями, с детьми. Когда подходила наша очередь, детей пропускали вперед, мы гордо показывались продавцу и уходили с маслом.

В очереди дети знакомились друг с другом. Благодаря очереди стал мне ближе мой одноклассник Толик Челюшкин (теперь он видный ученый, преподает математику в одном из одесских вузов). В тот вечер он стеснительно поглядывал на меня, а я хмуро ковыряла ногой грязный окаменевший снег... Нам было лет по десять.

Кроме масла помню время, когда вообще отсутствовал белый хлеб, но даже темные маленькие булочки казались необычайно вкусными. Помню бесконечные очереди абсолютно за всем...

А маленьким детям огромную радость доставляли подарки, которые передавал им зайчик. Когда дед Толя шел домой с завода, зайчик обязательно подбегал к нему с парой конфеток, или с горстью вкуснющих семечек, или с печенюшкой... Мы ждали прихода дедушки, как...

Мы совсем не верили в Бога. "А если Бога нет, то все дозволено?..." Я не раз пыталась доказать бабушке-басеньке несправедливое: что Бога нет. "Бог есть, — кротко, но твердо говорила она. — Ты подрастешь и узнаешь". Она читала какие-то старинные книжечки — молилась, а я хихикала над ней в своем уголке...

Теперь эти книги читаю я. Теперь я знаю, что Бог есть.

Теперь иначе выглядит жизнь. Теперь уже многое понятно и объяснимо. Жаль только, что уже никого не вернуть и ничего не исправить.

Я помню лишь одно: "В начале было Слово". Может, оно заступится за меня?..

Сейчас в моду входят бани. Пойти в баню считается особым шиком. А тогда...

В нашем дворе не было газа — только свет и колонка с водой у подъезда. Во время оттепелей и гололедов ходить по воде было опасным для жизни.

Одна на всех уборная находилась в углу двора, где ютились сараи с углем и мусорная свалка. Когда мусора набиралось достаточно и он заваливался, во двор приходила грустная лошадь с телогой, и ее возница долго и тщательно выгребал наш мусор в эту телегу, чтобы увезти куда-то.

Еду готовили на примусах и керогазах. Стирала в больших лоханках. В них же купали детей.

Раз в месяц ходили в баню. Билет стоил 20 коп.

Здание бани (уже, к сожалению, не баня, а офисный центр) на Ефимова до сих пор сохранилось: двухэтажное, под двухскатной крышей, оно стоит напротив бокового входа на Малиновский рынок.

В ней были мужское и женское отделения. Узенькие кабинки, где каждый мог оставить одежду, раздевшись догола, стояли в достаточно прохладном помещении-предбаннике. Кабинки закрывала и открывала Г-образным проволочным крючком банщица, она же, кажется, выдавала дефицитный тазик при входе в общий зал. Добыванием тазика занималась мама, поэтому я не помню, откуда он брался.

Мне вообще было неприятно посещать эту баню. Самое неприятное, что мне вспоминается, — это голые женщины всех возрастов. Особенно страшные среди них — старые, измученные жизнью, дряблые тела, белые, морщинистые, с варикозно расширенными на ногах венами, с седыми космами вдоль плеч. И я сама — тощая, голая, злая... А потом еще идти по морозу с мокрой головой, закутанной в шаль. А вот попробуйте хоть раз так пройтись.

...Улица Ефимова заканчивалась бывшим Стрельбищным полем, тогда уже питомником декоративных деревьев...

На всю жизнь запомнился мне водопад голубых выюнок — небесно-голубой ипомеи — на стенах одного маленького палисадника по улице Зеленой (Зорина, в простонародье Зоринской), мимо которого я ходила за хлебом в "военку". Можно было долго стоять и смотреть на них.

Стыдно признаться, но я и сейчас, проходя мимо окон домов Ближних Мельниц, разглядываю в них комнатные цветы, выставленные на подоконниках, как на клумбах. Потому что цветы на подоконниках первых этажей — это показатель душевности обитателя дома: много красивых, чистых цветов — люди явно хорошие, близкие природе. Если ж пустой подоконник...

Раньше в домах выращивались фикусы, алоэ и "калочки": фикус — как признак значительности, алоэ необходим для лечения всяких ранок, а "калочки", которые герань, пеларгония, — для души. Милые, душистые (так что моль не выдерживает), цветущие всеми цветами "калочки" и сейчас растут на подоконниках старых одесситов, тогда как молодежь предпочитает узамбарские фиалки, калатеи, традесканции, папоротники и особенно — вошедшие в последнее время в моду орхидеи.

Некоторые жители нынешних Мельниц умудряются выращивать сирень, чернوبرивцы и мальвы на улицах, между тротуаром и проезжей частью, там, где теперь все заставлено личными автомобилями...

Недалеко от угла Зеленой и улицы Ефимова в бестелевизионные годы существовал и радовал нас кинотеатр имени 40-летия Октября. Именно в этом кинотеатре мы смотрели фильм "Человек-амфибия" и другие интересные фильмы, часами выставляя в жутких очередях за билетиком. Билет стоит 20 копеек (как в баню).

В день открытия кинотеатра всех желающих пропустили бесплатно.

Над киноэкраном висел лозунг, особенно поразивший тогда меня: "Искусство принадлежит народу". И подпись: В.И. Ленин. Так я впервые узнала, что произведение искусства не принадлежит человеку, создавшему его...

Теперь здание кинотеатра перестроено, в нем функционирует церковь во имя Сретения Господня.

Напротив кинотеатра одно время (в начале 1990-х годов) находилась чуть ли не первая в городе пекарня, где выпекали лаваш — пресный горячий хлеб. Он был невероятно вкусным. В окешечко, выходящее на Зеленой, можно было видеть огромный каменный кувшин с узким горлом, из которого периодически вынимались испекшиеся остроухие лепешки... Мне нравились серьезные грузинские женщины-труженицы.

Как хорошо, когда вместе живут много разных народов, все дружат, смеются и поют песни.

Мы очень любили шумные праздники и демонстрации, когда можно было идти в одной колонне вместе со всеми, размахивая цветными воздушными шариками, красными флажками и самодельными веточками бумажных цветов.

Какое счастье быть счастливыми вместе со всеми!

Мы жили трудно. Мы жили просто. Мы жили честно.